

СИМАЧЕВ

Леонид Алексеевич

Родился 19 ноября 1950 года в городе Сковородино Амурской области. Окончил Дальневосточное мореходное училище в Находке. Плавал начальником радиостанции китобойного судна флотилии «Владивосток». Работает электромехаником на Сковородинской радиорелейной станции. Был участником совещания молодых литераторов Дальнего Востока (Петропавловск-Камчатский, 1981) и VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1984). В 1982 году окончил заочно Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей России с 1991 года, прозаик. Автор четырех книг повестей и рассказов. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу «До коммунизма и после».

Живет в Сковородино.

О «рыбных днях» и творческом зуде

После школы я поступал в ДВГУ на отделение журналистики, но не прошел по баллам. В аттестате по иностранному языку был прочерк. «Англичанка», проучив нас один год и намаевшись за долгую сковородинскую зиму с дымящейся печью в двухэтажном бараке, с трудом дождалась лета и, бросив все, укатила к себе в Москву. Последующие уроки иностранного языка проходили в основном в спортзале. Природная лень и какая-то периодическая неустроенность в дальнейшей жизни так и не сподвигли меня всерьез заняться английским языком. И я жутко завидую до сих пор тем людям, которые свободно изъясняются на чуждых мне языках, как и тем, кто талантливо играет на музыкальных инструментах... Вот такие у меня две белые зависти.

Иногда задумываюсь: а как бы сложилась жизнь, стань я журналистом? Очевидно, вступил бы в партию, чтобы сделать карьеру. Далее — ВПШ, райком, обком... После распада СССР — какой-нибудь банк или приватизированный заводик... Но тогда не было бы ни мерзлотной станции, на которой я начал работать еще шестнадцатилетним пацаном наравне с мужиками, ни казарменно-тягостного курсантства в мореходке, ни долгих морских рейсов на китобойце. Писать бы я писал, но это была бы уже другая проза, журналистская, каковой в наше время, в общем-то, достаточно. И это была бы другая жизнь...

Дождливыми находкинскими вечерами в училище, во время так называемой «самоподготовки», писалось очень хорошо. Рассказы складывались как-то тематически, по настроению, и почти не переделывались... Была обаятельно-преданная подружка, работавшая в машинописном бюро рыбного порта, с которой я встречался в такие быстро уходящие минуты редких увольнений... Она перепечатывала рукопись, я вычитывал и посылал регулярно по два-три рассказа в журнал «Дальний Восток», откуда так же регулярно получал вежливо-путаные «отлупы». Легко писалось и позже, после окончания мореходки, в радиорубке китобойца, — шумел осенний океан, каретка раздолбанной казенной «Москвы» временами ерзала от качки, мелодично позвенькивая, как будильник, словно напоминая: время уходит, время уходит... И жизнь идет, и жизнь идет...

И вот однажды, после очередного отказа из журнала, на глаза попало литинститутское объявление о творческом конкурсе. Собрал рукопись и отослал — и был приятно удивлен, получив в этот раз приглашение в Литературный институт имени Горького (как это гордо и сладостно звучало!) для сдачи экзаменов. Так, благодаря приемной комиссии Литинститута, в 1976 году моя жизнь пошла по совершенно иной и радостно-новой колее. А в «Дальнем Востоке» я все же потом раза два напечатался.

В институте попал в семинар к Михаилу Петровичу Лобанову, известному критику и литературоведу, ярому «почвеннику», человеку со сложной судьбой. Фронтовик, так и не побывавший на передовой, — на подходе попал под бомбежку, осколком разворотило кисть руки. Родной брат сгорел заживо в танке, мать после этого не могла переносить огонь, — разжигая в избе печку, каждый раз плакала. Об этом он как-то раз оговорился, смотря поверх наших голов, часто помаргивая, здоровой рукой поглаживая изувеченную. Не страшась, он открыл нам надсадный мир «закрытых» в то время романов любимого им Андрея Платонова. Творческие семинары проходили по вторникам, и, особо не оригинальничая, мы с друзьями окрестили их «рыбными днями», ибо в общепите тогда во вторник и четверг подавали исключительно рыбные блюда. С Михал Петровичем мы отчаянно спорили, мою прозу он ругательно называл «талантливая паустовщина», но, однако же, первого из группы и рекомендовал в столичные журналы, где кое-что из этой «паустовщины» и было опубликовано.

А в 1977 году была создана Амурская писательская организация. В феврале я с оказией побывал в Благовещенске, созвонился с Борисом Машуком и в

редакции «Амурки» мы познакомились. Летом того же года на областном совещании молодых литераторов обсуждалось мое творчество, Николай Иванович Фотьев очень тепло и обнадеживающе отозвался о моих рассказах, один из которых и был впервые представлен читателю на страницах альманаха «Приамурье мое». А затем — знакомство с замечательным редактором и человеком М. Л. Гофманом, с собратьями, как говорится, по перу: И. Игнатенко и В. Лециком, В. Рьльским и В. Илюшиным, Н. Курочкиным и С. Борзуновой — это всё талантливые люди того литературного сообщества, которое не позволяло расслабляться, переходить на «скоропись», перестать работать над словом.

Мне везло на людей. Это преподаватели Константин Кедров и Владимир Смирнов, Владимир Гусев и, к сожалению, ныне покойный Юрий Селезнёв. Замечательный прозаик и рассказчик Сергей Алексеевич Воронин, написав предисловие к моей первой книжке, тем самым дал «добро» в литературу. До сих пор жалею, что не смог с ним встретиться вживую. Он ленинградец, но основное время проводил в деревне на Ладого, в Новгородской области. И я, будучи в Москве и позвонив в Питер, никак его не мог застать дома, чтобы хотя бы на день заехать.

Я благодарен своим родителям и сестрам за полноценное насыщенное детство, за почти ежегодные летние поездки в Подмосковье и среднюю полосу России к родственникам, за обилие книг и журналов в нашем небогатом доме. Я благодарен женщинам, встречавшимся на жизненном пути и вдохновлявшим меня. Тогда в голове становилось пронзительно ясно и творческая эйфория бросала в руки остро заточенный карандаш и серенький блокнот за тринадцать копеек... Были такие удобные, прямоугольной формы блокноты, аккуратно входившие в карман пиджака...

Надеюсь, что жизненные перипетии и несуразности, одолевшие меня в последние годы, не заглушили тот творческий зуд, посещавший меня в молодости, и я закончу наконец-то свежую книжку рассказов с философско-романтическим названием «О лобви». Ну хотя бы к какой-нибудь следующей годовщине нашей писательской организации.

Книги Л. Симачева

- В перерыве между таймами** / Л.А. Симачев. – Благовещенск, 1989. – 108 с. : ил.
До коммунизма и после : повесть, рассказы / Л.А. Симачев. – Благовещенск, 2003. – 271 с. : ил.
Ленинградский коверкот : / Л.А. Симачев. – рассказы, М. : Молодая гвардия», 1986.
Срочная радиogramма : рассказы / Л.А. Симачев – Благовещенск, 1984. – 118 с. : ил.